

— Невозможно!

— Да какъ же всё отсюда выберутся?

— Да которые господа засидѣлись, у тѣхъ свои извозчики. Тѣ господа—лакей указалъ на гостей Ногайцева...—ужь не знаю, какъ вернутся... развѣ съ цыганами, на линейкахъ. Коляска одна—Мартына Лукича.

На дворѣ совсѣмъ уже стало свѣтать. Бѣгство было невозможно. Рынину приходилось ждать пробужденія тестя.

Оно произошло не больше, какъ минутъ черезъ десять. Мартынъ Лукичъ протеръ глаза, поднялся, поцѣловалъ Пашу, что-то такое пробормоталъ и увидалъ передъ собою длинную фигуру зятя.

— Mon gendre! Détalons! Пора и душканамъ спать... Вы, тамъ?! — крикнулъ онъ въ уголь, гдѣ цыганки затаили опять какую-то фабричную пѣсню:—молчать! Что за гадость! Мастеровщина кабацкая!..

Тѣ сразу замолкли.

— Счетъ!

Счетъ былъ уже на столѣ. Лакей подаль его. Рынинъ видѣлъ, какъ Мартынъ Лукичъ досталъ изъ кармана большого формата бумажникъ и, вынувъ изъ него пачку сторублевыхъ, положилъ на тарелку и скомандовалъ:

— Маршъ!..

Лакей побѣжалъ внизъ. Ногайцевъ, пошатываясь, обнялъ еще разъ Пашу, — глаза у нея уже посоловели — отъ сидѣнія, не отъ вина—подвелъ ее къ зятю, подмигнувъ ему и щелкнулъ языкомъ:

— Хорошъ персикъ?.. Чтожъ ты зѣвалъ, панъ-пулковникъ?.. Не прогнѣвайся... провожать ты будешь не душкана, а меня... Облизнись!..

Лакей принесъ сдачу изъ нѣсколькихъ бумажекъ и счетъ.

— Возьми!—сказалъ ему Ногайцевъ.

Рынинъ взглянулъ на счетъ. Цифра въ шестьсотъ слишкомъ рублей—тутъ была и плата за три хора — кольнула его. Онъ ничего, однако, не сказалъ, взялъ даже подъ руку тестя и свелъ его внизъ. На нихъ накинули пальто, пока они спускались оба съ лѣстницы.

На дворѣ стояла дѣйствительно одна всего коляска и нѣсколько дрогъ для цыганъ съ ярко-цвѣтной обивкой сидѣнья. Ночной воздухъ заставилъ ихъ обоихъ встряхнуться. Усаживали ихъ лакеи. Рынину казалось, что онъ былъ уже совсѣмъ